

СВЯТОСЛАВ ИВАНОВ

Саловар
НАД БЕЗДНОЙ

Святослав Иванов

Самовар над бездной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23466491

ISBN 9785448396243

Аннотация

Иван, главный герой романа, оказывается в альтернативной реальности, где Гражданская война закончилась победой белых. Мир устроен иначе (и вроде бы лучше), а параллельная жизнь Ивана – и вовсе идиллия. Простому московскому невротiku предстоит оказаться ещё в нескольких искажённых мирах: в мятежном монархическом Петрограде, в реальности победившего нацизма, в тоталитарной антиутопии и в постапокалиптическом хаосе. Однако, самая сложная задача, стоящая перед Иваном, – разобраться в самом себе.

Содержание

Часть первая	7
Часть вторая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Самовар над бездной

Святослав Иванов

*Я вошел в знакомый вестибюль, посмотреть
на аквариум, в котором плавали, очевидно, те же
самые рыбки, что и десять лет тому назад,
по крайней мере мне показалось, что узнал одну
стерлядку*

Василий Шульгин

*I am completely convinced that there is a wealth
of information built into us, with miles of intuitive
knowledge tucked away in the genetic material of every
one of our cells. Something akin to a library containing
uncountable reference volumes, but without any obvious
route of entry*

Александр Шульгин

*В прежние времена все истории заканчивались
двумя способами: после всевозможных перипетий
герой и героиня либо шли под венец, либо
умирали. Главный вывод, вытекающий из всех
на свете историй, двояк: непрерывность жизни
и неизбежность смерти*

Итало Кальвино

Думал, в сказку, что ль, попал?

Нина Михайловна Ставриди

Иллюстратор Екатерина Рейтман

Фотограф Александр Уткин

Редактор Артём Хлебников

© Святослав Иванов, 2017

© Екатерина Рейтман, иллюстрации, 2017

© Александр Уткин, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-9624-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Часть первая

Половина жалованья доброго молодца уходила на аренду печи. Там он лежал целыми днями и очищал от канцеляризов отчёты о похождениях богатырей из других царств-государств. Прележал бы всю жизнь на печи, кабы не случилось бы однажды самому двинуться в путь.

Звали доброго молодца Иваном. Он был младшим сыном в семье купца и, несмотря на увещевания отца, с детства хотел стать богатырём. Сперва по этому пути пошёл брат его Пётр, но в схватке с Кощеем получил тяжёлое ранение и вернулся несолоно хлебавши; по инвалидности ему выписали солидную пенсию, он взял в жёны красну девицу и зажил с ней долго и счастливо в резном тереме на Ленинградском шоссе. Средний брат Василий, как и многие соискатели, провалился на собеседовании – избушка на курьих ножках просто отказалась поворачиваться к лесу задом. Расстроенным он походил всего-то с неделю, да и махнул учиться купеческой мудрости за три моря, в Лондон; по возвращении он занял одну из руководящих должностей в фирме отца.

Оба брата выглядели радостными, но Иван то и дело подмечал в их глазах тоску по несовершённым подвигам. Они в свою очередь подтрунивали над братом, который не демонстрировал особых талантов.

– Чтобы стать богатырём, нужно иметь либо блат, либо

быть настоящим гением, — то и дело говорили они, пренебрегая правилами построения предложений.

Тем не менее Иван успешно прошёл ряд испытаний и обучился хитрой науке богатырства. Его учитель, седобородый Фрол Фомич, говорил ему, сидя на крыльце своей затерянной в лесу избушки:

— Может и выйдет из тебя чего, Ваня — купеческий сын. Да вот только не на нашей земле окаянной — тут, видишь, времена богатырские прошли. В Иностранный легион тебе податься, что ли?

Стал Иван в конце концов добрым молодцом запаса на жаловании писаря. Ему приносили отчёты о подвигах богатырей, а он переписывал их на свой лад: так, чтобы о них потом честному народу рассказывали, — а народ верил, да не верил, да всё равно верил и уважал богатырское ремесло.

Но вот зазвонил на Ивановской набат, зовущий богатырей дела хорошие делать, проблемы стратегического значения решать. Долго ли, коротко ли звонил, а никто из богатырей не явился. Наконец Ивану стало невозможно слушать колокол, и пошёл он к царю-батюшке на поклон — авось станет ясно, что же так долго и отчаянно звонил государев колокол.

— Перевелись богатыри в моей вотчине, — грустно молвил царь. — Один ты, Иван — купеческий сын, остался. Чем похвастать можешь, добрый молодец?

Иван ответил как есть — что три дня и три года уже лежит на печи и ждёт благословения на великие дела. Пригорюнил-

ся царь над таким кадровым кризисом, да делать нечего – рассказал Ивану, в чём дело.

За тридевять земель есть волшебный лес, куда без надобности ходить простым смертным строго воспрещается. Спрятан в том лесу заветный золотой самовар, в котором хранится тайна всего спокойствия и благодати нашей земли. Стоит самовар на обрыве над непроглядной бездной – потому что в том и секрет благодати, что она хрупка, ненадёжна и в любой момент может кануть в пропасть.

И прознал о золотом самоваре Кощей Бессмертный, да и захотел его с обрыва столкнуть, чтобы всех добрых людей со света сжить. Кощей ищет самовар в лесу, но пока не нашёл. Задача – пробраться к самовару незаметно, аккуратно снять с пьедестала и привезти его домой, а тут уж мы его поместим под круглосуточную охрану с сигнализацией.

– Вертолёт-то дадите? – спросил Иван, припомнив, что многие богатыри десантируются с воздуха на место предполагаемой схватки с Кощеем.

– Нет, Ваня, – ответил Царь. – Это не тот случай. В лес надо пробраться тихо, чтобы Никто не заметил. Если Никто заметит – пиши пропало. Вот тебе, Ваня, сапоги-тихоходы, чтобы мимо Никого тихо пробраться. Вот тебе сапоги-сороходы, чтобы с самоваром домой побыстрее добраться. И вот тебе сапоги-репелленты, чтобы от дрянных тварей лесных отбиваться.

Дал ещё Царь Ивану посох, скатерть-самобранку и путе-

водитель «Афиши» по тем краям – да и отправил доброго молодца в путь-дорогу. И пошёл Иван к заколдованному лесу, где над непроглядной пропастью стоит заветный золотой самовар, который надо спасти от нечистой силы. Времени раздумывать над заданием царь ему не дал – да и что тут думать, когда в конце его ждала награда: царская дочь Ольга и полцарства в придачу. После уплаты налогов богатство поуменьшится, но всё равно думать тут нечего.

Шёл Иван по родной земле – все мужики, бабы и дети малые ему поклоны отвешивали: сразу видно, вот идёт добрый молодец, который спасёт нас от гибели. Шёл он по улице Царской, Дворянской и Боярской, по бульвару Купеческому, Разночинному и Мещанскому, по проспекту Крестьянскому, Пролетарскому и Студенческому – и везде ему были рады, везде улыбались и подмигивали. Потом начались леса, степи и поля, пошли болота, чащи и топи, появились холмы, горы и хребты. Долго ли, коротко ли – дошёл Иван до опушки заколдованного леса и остановился перед развилкой трёх дорог с покосившимся указательным камнем:

НАЛЕВО ПОЙДЁШЬ – БЫСТРО ПОМРЁШЬ
НАПРАВО ПОЙДЁШЬ – НИКОГДА НЕ ВЕРНЁШЬСЯ
ПРЯМО ПОЙДЁШЬ – СЕБЯ ПОТЕРЯЕШЬ ДА ПЕНЬ-
КОМ ОБЕРНЁШЬСЯ

Полистал Иван путеводитель – ничего такого там не го-

ворилось. Сел добрый молодец на опушке, расстелил самобранку и взялся крепку думу думать.

***

Адвокатская контора – первый этаж, направо. Стоматологическая клиника – первый этаж, налево. Турагентство – второй этаж, направо. Оптика – подвал, прямо до конца по коридору. Служба доставки – подвал, вторая дверь слева. Обмен валюты – каморка под лестницей. Ритуальные услуги – третий этаж. По вопросам недвижимости – четвёртый этаж.

Высокий человек в очках, укладывая рукой мокрые и расчёпанные волосы, задумчиво изучал схему расположения офисов в светло-желтом здании, вход в которое находился в подворотне.

Ему ничего не было нужно в этом здании – он зашёл в подворотню случайно, спрятавшись от дождя. По идее, место, где его ждали уже полчаса, находилось в двух шагах, но он никак не мог найти его, а позвонить и получить более подробную инструкцию не решался.

«Хотя бы в этой схеме я разберусь, – подумал он. – Допустим, мне здесь что-то нужно. Строго говоря, в оптику мне действительно давно надо заглянуть». Он потянул дверь.

Звали человека Иван Шульгин.

– Молодой человек, вам что-нибудь подсказать? – спросила сотрудница оптики, подойдя к Ивану, который рассматривал ряды выставленных на пробу оправ.

– Нет, спасибо, – ответил Иван. – Я просто смотрю.

– Вы тогда обращайтесь, если что-нибудь заинтересует.

Иван кивнул. Ему на выбор было представлены десятки, а может и сотни оправ разных материалов и форм. Ивану нужны были очки с трапециевидной оправой – так, чтобы верхние стороны прямоугольных линз были несколько длиннее нижних. Углы должны быть слегка сглажены.

– Точно не хотите примерить? – не унималась девушка-продавщица.

– Давайте. Вот эти, – Иван ткнул совсем не в ту оправу, что ему понравилась, а в более дорогую модель по соседству.

Девушка отперла замочек и сняла нелепую круглую оправу с витрины. Иван надел бутафорские очки вместо своих и взглянул на себя в зеркало. На расстоянии картина вышла расплывчатая. Он подошёл к зеркалу и почти прильнул к нему, будто не узнавая сам себя. Иван снял дурацкие очки и продолжил на себя смотреть – странно, ему казалось, будто с ним произошла неведомая метаморфоза, в которой он прежде не отдавал себе отчёта.

– Попробуйте вот эти.

Продавщица протянула ему ещё одну похожую оправу.

– Нет, спасибо, – Иван надел свои очки и взглянул на часы, – Извините, мне пора.

– Приходите ещё, мы подберём вам хорошую оправу. Во вторник нам завозят осеннюю коллекцию...

Иван вышел из оптики, подтягивая лямку своего увеси-

стого рюкзака. Выглянул из подворотни на улицу – дождь теперь лишь слегка накрапывал, но после сильного ливня самым актуальным видом транспорта оставался плот. Он взглянул на часы – ладно, теперь явиться к Оле будет уже не слишком рано.

Оля открыла дверь, они сдержанно поздоровались.

– Ты прости, что я так задержался. Всё никак не мог подъезд найти.

– Ничего. Я примерно на это время и рассчитывала.

– Ты никуда не спешишь?

– Нет-нет.

Она показала ему комнату. На полу лежал матрас, в углу стоял невзрачный комод – всё. Занавески на окнах полупрозрачные.

– Это мой матрас, но я его тебе великодушно оставляю. Мне на новой квартире не нужен.

– Спасибо.

Иван про себя отметил, что она по-прежнему в его вкусе. Очень в его вкусе. Тонкая-претонкая, с особым акцентом на талии. Большие глаза. Волосы светло-русые с прорыжью – стали ещё длиннее, инфантильные джинсовые шорты – ещё короче. Босые ступни – под обувь са-а-амого маленького размера.

– Ты в таком виде на улицу пойдёшь? – усмехнулся Иван. – Я знаю, ты можешь.

– Нет, мне ещё надо переодеться. Так, кухня.

Обстановка кухни была столь же лаконична. Гарнитур, духовка, стол да стулья. И ещё стиральная машинка, заметил Иван. Оля привычным жестом нажала на тумблер чайника, потом только спросила, будет ли он чай.

– Ты не любишь китайский, а я выпью... – она налила себе заварки. – Эрл грей в пакетике?

– Да.

Он не видел никогда тех вещей, в которые она была одета. Эти шорты были ему незнакомы, хотя, может быть, на ощупь он бы их узнал. Вспомнил, что сидит в тех самых джинсах, молнию на которых Оля однажды сломала.

Она рассказывала ему что-то о своей новой работе «и вообще как дела», дипломатично обходя все те вопросы, которые действительно его интересовали. Думает ли она по-прежнему о нём так, как он – о ней? Они просто неудачно вписались в поворот или зря сели в одну машину? Есть ли какие-то шансы вернуть всё как было – или хотя бы начать заново?

Потом было молчание. У Оли дома не было сахара – не имела она к нему привычки – но Иван всё равно помещивал ложкой у себя в чашке, уткнувшись взглядом в её изменчивое отражение на поверхности чайной воронки. Всё что угодно, лишь бы поменьше смотреть в глаза. А она смотрела открыто, быть может, легко, иногда поджимая губы как печальный клоун – мол, «досадно вышло, ничего не поделаешь».

– Я позвонила хозяйке, как ты просил, – заговорила она. – В общем, она вернётся после Нового года. Насчёт тебя не возражает, главное, чтобы в срок приходили деньги. Но в январе уж изволь – на выход.

– А, ну хорошо.

– Вообще, место чудесное. Так дёшево, я до сих пор не нарадуюсь, что удалось эту квартиру отхватить за такие деньги. Да ещё и так близко к центру. Съезжать немного грустно, много хороших воспоминаний.

– А мне как было грустно с проспекта Мира съезжать. Надеюсь, у тебя оттуда тоже хорошие воспоминания.

– Да, конечно.

Вновь замолчали. За окном уже почти стемнело, снова начался дождь. Оля не хотела уходить, пока он не закончится. Её зонтик сломался, а у Ивана она одалживать не стала – дескать, когда ещё пересечёмся.

– А вообще, район хороший. Бывает немного пустынно, но это ничего, опасностей никаких. Ты меня знаешь, я опасуюсь по дворам среди ночи ходить, а тут я прям себя не узнаю. И ещё, странная вещь, я с этим раньше не сталкивалась – я здесь знаю всех соседей. Специально ни с кем не знакомилась, просто вот так получилось. Многие живут здесь давно, у них какая-то своя мифология. Скажем, говорят, про мусорный бак, из которого мусор исчезает, подчистую. Буквально: вечером бак полный, утром машина приезжает – а там нет ничего. В соседнем подъезде есть один дед, он даже график

этих исчезновений составил, говорит, в этом есть какая-то логика. А ещё – здание под снос на другой стороне улицы – там какие-то призраки свет по ночам зажигают.

– Бомжи, наверно.

– А вот и нет. Сами бомжи и шугаются. Там вообще закупоренная какая-то квартира, её много раз пытались вскрыть, но дверь не поддаётся.

– Интересный сюжет.

– Тебе бы всё сюжет. А тут – жизнь.

– В жизни таким вещам, как правило, находится рациональное объяснение.

– Ну вот вечно ты! Слышал про группу Дятлова?

– Ох, не начинай, а? Я сам тебе про это рассказывал.

– Когда это?

– Серьёзно не помнишь?

– Ты прости, что к чаю нету ничего, – сменила тему Оля. – Я сюда уже не покупала. Хотя в морозилке какое-то мясо осталось, можешь его съесть.

– Великодушно.

Она внимательно присмотрелась к нему, он постарался «обаятельно» улыбнуться.

– Да, что-то в людях не меняется, – сказала она после паузы. – Всё то же самое все эти годы.

– Ты про что конкретно? Про интеллект, остроумие или красоту?

– Про всё сразу, – вздохнула. – Ты бы спортом, что ли,

заялся. Я вот недавно...

– Какой спорт? Чтобы чем-то таким, это ж надо какую-то стабильность в жизни иметь.

– Ладно, дождь закончился. Я пойду соберусь.

Она прошла в коридор, извлекла комок одежды из стоявшего там саквояжа и скрылась в комнате. Иван почувствовал, что не то от чая, не то от нахлынувших мыслей у него краснеют уши. Притягательность Оли поддразнивала его сквозь стены. С тех пор, как они виделись в последний раз, она стала ещё лучше. Хоть глазком бы. Интересно, она?

...

Вышла в джинсах и свитере. Надела плащ, оставив куртку Ивана висеть в одиночестве.

– Ну, давай, мне пора.

Иван вышел в коридор и подхватил её саквояж, она остановила его жестом. Смотрела прохладно.

– Не надо меня провожать. И сумку нести, как школьник. У тебя и так ботинки промокли.

– Ну, как хочешь. Я же просто чтобы тебе помочь, не то что я на что-то претендую. Да и если ботинки уже промокли, им не страшно промокнуть ещё раз.

– Я понимаю. Вот ключ. Три оборота. Дверь – обычная. Пароль от интернета на комод. Что ещё?

– Да вроде бы всё. Если что, я позвоню.

– Звони, звони, да. Номер прежний.

– Ну, хоть что-то прежнее.

Она ушла, и он пытался высмотреть её из окна, не сразу поняв, что все окна в квартире выходят на другую сторону.

Зажёг свет, плюхнулся на матрас – вроде нормальный. Так тихо, так пусто, так чисто вокруг – хотелось завывать, нарушая тишину, завалить комнату всяким барахлом, накидать пустых бутылок, лишь бы не было так тоскливо. Стены мягко-оранжевого цвета – именно они ассоциировались у Ивана с сумасшедшим домом, хотя с ним привыкли связывать какую-то другую расцветку.

Иван включил компьютер и попытался подсоединиться к интернету, но пароль с бумажки на комод не работал. Хотел позвонить Оле, но подумал, что эта проблема – вещь настолько дурацкая, что тревожить её будет просто ужасно.

В воздухе витал её запах – прежний, прежний. Наверно, множество женщин пользовались тем же парфюмом и мыли свои длинные волосы тем же шампунем, но Олю не слишком-то развитое обоняние Ивана могло легко выделить из толпы. И не объяснить ведь, как это так. Запах давал какую-то смутную надежду, что она – всё та же.

Иван открыл окно, оттуда резко подул дождливый воздух. Фиксатора для форточки не было. Он порывлся в кухонных ящиках, обнаружил пару резинок и стянул ими ручку форточки и ручку большой створки окна. Получилась небольшая щёлка.

***

Такое же обыкновение – использовать резинки в качестве фиксатора на окне – имел в свои общажные годы и Жорж. С Иваном они подружились на поступлении; тогда он представлялся просто Гошей и носил нелепые жидкие патлы и очки с желтоватыми стёклами, надоедая окружающим самодельными анекдотами. Про абитуриента Шульгина он сразу узнал, что тот мечтал стать сценаристом, но решил, что окажется на журфаке, а теперь сидит на университетской скамейке и не понимает, зачем. Гоша закидал Ивана низкопробными шутками про специфические повадки работников киноиндустрии, но разрядить обстановку удалось лишь признанием, что Гоша хочет стать актёром и, может быть, попробует свои силы в КВН.

Осенью в одной команде с Жоржем – уже Жоржем, стильным и громогласным, с щеголеватой щетиной – оказался грузный и малость печальный Миша Гаврилов откуда-то с Дальнего Востока (у него хорошо получалось произносить шутки с железным выражением лица). Жорж, Гаврилов и Иван весь первый курс часто кутили вместе. На втором курсе Миша и Гоша выхлопотали себе отдельную комнату в общежитии, превратившуюся в штаб их ироничной Хунты. На третьем Жоржу в голову пришла идея, которая, как казалось, должна была стать главной в жизни всех троих.

Гаврилов к тому моменту уже перешёл с яичницы и макарон на азиатский тэйк-эвэй из близлежащего ТЦ – уце-

пился за писарскую должность в информагентстве. У Ивана с деньгами тоже было ничего – средней скупости карманные от родителей разбавлялись гонорарами за корректуру в заштатном журнальчике. А вот Жорж преимущественно играл в КВН (не без намерения каждый год приударять за пучеглазой первокурсницей), пил дешевый алкоголь и размышлял о несправедливости мира. Как-то под утро он растолкал спящего соседа и заявил, что придумал план.

Идея была разглашена в тот же день вечером в торжественной обстановке – до этого, во всяком случае, они вместе шампанского не пили. «Я стану стендап-комиком», – произнёс Жорж с триумфаторским выражением. Согласно его замыслу, Иван должен стать автором его текстов, а Гаврилов – будет заведовать организацией.

Ещё из воспоминаний о том солнечном декабре на третьем курсе – лекция о младосимволистах. Слушать Сласто-едского (или как-то так) было с каждой минутой всё труднее, ещё труднее – не заснуть на его глазах. Иван старательно рисовал крестики в каждой клетке своей тетради:

```
+++++  
+++++  
+++++  
+++++
```

В середине лекции его настигло солнце, шпарившее

сквозь огромное окно. Иван сдвинулся чуть левее по пустому ряду, но через пару минут солнце нагнало его и тут. Он продвинулся до самого прохода между рядами, но прикинул, что скоро солнце настигнет его и там.

Он перебрался на левую половину аудитории, где сидели по странному университетскому правилу совсем незнакомые ему люди: та часть девушек, что в перерывах между занятиями ходит по стенке. Ещё один ряд был занят китайскими студентами. А на том ряду, куда пересел Иван, понуро сидела лишь одна девушка – изящная светловолосая красавица с большими глазами и заострёнными чертами лица. Иван часто обращал на неё внимание, но едва ли столкнулся бы с ней случайно ещё каким-то образом, так что просто из интереса он придвинулся поближе.

Она тоже начала испещрять свою тетрадь крестиками:

+++++
+++++
+++++

– Не увлекайтесь, это может далеко завести, – шепнул Иван, продемонстрировав свой тетрадный лист. – Меня Ваня зовут.

– Я Оля, – огромные глаза её глядели слегка испуганно.

Для Ивана начать откровенно интересоваться девушкой было делом исключительным. Для Оли, кажется, открыто от-

вечать на ухаживания – тоже довольно редким, но кто её, женскую душу, разберёт. В любом случае, с первых же дней казалось, что вот Оно, то самое, чего так хотелось раньше. А за прошедшие после этого годы их любви – сколько получается, пять? – утвердилось у Ивана в голове, что иного и быть не может.

На протяжении нескольких лет Иван получал ежедневно дюжину смс с шутками Жоржа – как правило, второсортными, но часто обаятельными: *«Узнав, что Землю называют „голубой планетой“, Госдума запретила ей участвовать в параде планет»*. Иван садился за компьютер и вносил эти каламбуры в таблицу. Ранжировал их по типу юмора, по уровню пошлости и по категориям подходящих зрителей. Чётко вымеряя концентрацию смеха в выступлении, он писал, как ему казалось, лучшие в своём роде тексты стендапов. Сам шутил он плохо и писал, в основном, меланхолические монологи от лица московского зануды, в которых едкие и пошловатые шутки крайне удачно работали на контрасте.

Оля долго была приятным дополнением к идущим в гору делам, чтобы потом превратиться в главный элемент душевного интерьера Ивана. Когда стали жить вместе на проспекте Мира, по утрам она традиционно варила ему кофе, а он – соображал что-нибудь ей на завтрак. Завороженно смотрел, как она покачивала в коридоре длинной красной юбкой, забиралась на каблуки, чтобы быть не такой маленькой, и куталась в пальто; закрывал за ней дверь, включал психоде-

лическую музыку и пускался полировать написанные тексты. Оля тем временем улыбочиво кого-то обзванивала, сидя за плоским-преплоским монитором в редакции популярного журнала. Другим занятым человеком стал Гаврилов, который с утра отслеживал свежие комментарии к выступлениям Неистового Жоржа, с полудня договаривался о его новых выступлениях, ближе к вечеру – изучал возможности, куда бы его ещё приткнуть. Сам артист к третьей чашке кофе Ивана только просыпался (нередко – в окружении красавиц), чтобы полдня болтаться без дела и посматривать британские сериалы (откуда бессовестно воровал свои лучшие перлы). Вечером он долго приводил себя в самый опрятный возможный вид, пока наконец не наступало время выезжать на работу.

Клубы с тесной сценой и десятком конкурентов. Телепередачи, имитирующие деятельность таких клубов. Свадьбы детей небедных отцов, вечеринки на работе у этих же полных и не очень-то смешливых людей. Съёмки скетч-шоу с чьи-то чужими, не Ивана, сценариями низкой пробы – словом, Хунта обеспечила себе славный заработок и нескромные перспективы. Иногда Иван задумывался о том, что стоило бы заняться чем-то более благородным. Но стоило взглянуть на выложенные на главную страницу сайта фотографии Оли, тестирующей какую-то косметику (зачем, действительно, изданию нанимать моделей, если у него и журналистки не промах?) да послушать аплодисменты на выступлениях

ком подпитии, Иван заглянул к тому на стендап: оказалось, что аудитория легко схватывает его пошленькие шутки и без его, Шульгина, лирики и философии. Ушёл уже в подпитии серьёзном: помимо прочего, к тому моменту Оля уже начала его мучить.

В последний день, когда она уже складывала вещи – оказалось, что действительно нужных ей пожитков (во главе с белоснежным ноутбуком) едва хватало на пузатый саквояж, – Иван стыдливо метался по всей квартире, убеждая её, что он всё изменит и исправит, что они всё начнут сначала. Тщетно. Она вышла.

С минуту он просидел в нерешительности, а потом ринулся наружу. Догнав её на выходе из двора, он резко схватил её за локоть и выпалил:

– Ладно, без дураков. Оля, будь моей женой. Я никак к этому не готовился, но теперь я...

Её лицо слегка скривилось – будто бы дала знать о себе старая травма.

– Нет, – пожалуй, всё-таки не без труда сказала она. – Всё.

Найти новую работу оказалось трудновато. Найти новую мотивацию – пас, следующий вопрос.

С учётом инфляции теперь Иван зарабатывал в два раза меньше, чем прежде, – и это на работе по непосредственной специальности! Он в условиях блуждающего графика сидел в редакции интернет-портала и надрессировано барабанил по клавиатуре, пересказывая для миллионной аудито-

рии сообщения информационных агентств и зарубежных газет. Любимым источником информации для него стали заштатные провинциальные издания и казённые порталы полиции, следствия и суда, где он вычитывал чёрные комедии про убитых молотками девиц, сожжённых гостей, потерянных мешках с наркотиками и угонах экстравагантных видов транспорта.

Воображение разыгрывалось – и вот Иван уже видит, как угрюмый мужчина в форме быстро напивается на кухне под ламентации жены, приходит к друзьям, выпивает с ними, но и их компания оказывается для него пресной, и он идёт обратно на работу – на аэродром, где он угоняет вертолёт и тоскливо парит над окрестностями. Наконец, он видит северное сияние и, поражённый (такого в этих краях отродясь не видывали), приземляется, а внизу его уже принимают другие люди в форме и сажают в стоящий на опушке посадочной полосы «УАЗик». Глухой хвойный лес подсвечивают всполохи полицейской мигалки.

Но воображения хватало, чтобы лишь на секунды отвлечься от тоски по упущенному всему на свете. Оля выкладывала в интернет бодрые фотографии с подругами и, иногда, какими-то неизвестными Ивану мужчинами – его всего скручивало. Вот так: раз-два – и он сидит у разбитого корыта, а она где-то танцует, увлеченно с кем-то болтает, хохочет неповторимо-заливисто, а потом, вероятно, занимается сексом? Иван едва заметно морщился и снова вгрызался в без-

радостную новостную материю.

Сбросил десяток килограмм, время от времени начинал курить и снова бросал, нашёл массу интересных занятий, просто чтобы сосредоточиться на чём-то другом. Перед тем как Оля вдруг предложила стать следующим жильцом квартиры, из которой она съезжала, Иван погружался в камеру сенсорной депривации – новомодное развлечение, в ходе которого испытуемый час плавает в густом соляном растворе при полной темноте. Иван увидел себя же в конце зеркального коридора: двойник махал рукой и звал к себе, но сделать шаг в его сторону было невозможно. Но Иван всё уже знал о своём двойнике: что это – тот самый утерянный при переводе с иностранного языка смысл его существования, убегающий от него по лабиринту. Копия движется ловчее оригинала, а в заплечном мешке у него – радость и покой, которые Иван сам же ему и отдал. Наконец Иван выбежал из лабиринта – но двойник уже скрылся на городских улицах, где найти его сложнее, чем в самом глухом лесу. Заиграла вежливая музыка – время с щелчком открыть похожую на гроб депривационную камеру: молодой человек, вы выходите на этой станции?

***

Стемнело. Иван снял резинку с окна и распахнул большую створку. По дороге ездили одинокие машины, подни-

мая большие протуберанцы воды. Вдалеке виднелся памятник Ленину. Прохожих почти не было.

Вдруг у мусорного бака обозначилось движение. Три тёмных фигуры вышли из автомобиля и достали из багажника какой-то внушительных габаритов груз. Диоптрий на очках не хватало, чтобы разглядеть, что это, но Ивана сразила страшная догадка. Хоть бы показалось!

Нет, не показалось. Пока трое неуклюже засовывали нечто в бак, из пакета, в который оно было замотано, показалась нога в ботинке – этот ботинок Иван разглядел отчётливо. Одна из тёмных фигур спешно засунула ногу обратно в пакет, они перевалили тело за бортик мусорного бака, захлопнули его, сели в машину и уехали.

Иван заходил туда-сюда по квартире. Взглянул на часы – уже почти одиннадцать, ну что ему сейчас делать?

Взял телефон и набрал всё-таки 112. Там попросили подождать, пока его переадресуют. На третьей минуте телефон выключился – разрядился аккумулятор. Домашнего телефона в квартире не было.

«Так, хорошо, то есть, конечно, ничего хорошего, – думал Иван. – В принципе, ничего страшного не случится, если об этом сообщу не я. Когда понадобятся свидетели, до меня наверняка дойдёт дело, и я расскажу им обо всём. Да. И больше ничего. Я же ничего особенного и не видел, вряд ли помогу. Разве что время сообщу. Сколько сейчас? Так, стоп, я же здесь нелегально проживаю? Значит, получается, дверь

полицейским мне лучше не открывать. Ещё и у Оли проблемы начнутся. Нет, значит – что делают в таких ситуациях? Анонимное заявление? Выследят. Они всегда выслеживают, если ты такой неудачник».

Иван решил ничего не делать, успокаивая себя тем, что на работе завтра непременно напишет об этом деле новость – не по своим, разумеется, материалам – и таким образом выполнит гражданский долг.

И заснуть спокойно всё-таки никак не получалось. Блядский мусорный бак, блядский дождь, и человек – человек, которого больше нет, но всё-таки он там есть, и он там лежит, и он там гниёт, и сделать ничего с этим уже нельзя. И три ублюдка на машине, чьего даже цвета Иван не запомнил, не то что номера или марки. Кошмар, вечный ночной кошмар, с каждым днём всё хуже и хуже.

Иван протирал массивный сумрачный самовар, стоящий на большом столе, шикарно уставленном яствами, всё больше десертного толка.

Длинный стол стоял параллельно высокому берегу моря, Иван сидел у самовара лицом к воде. Приятная компания, собравшаяся за столом, премило обсуждала вопросы культуры и искусства, всё чаще, однако, переходя на более гурманские темы.

– А вы на выставке Шагала были?

– Алексей Такойтович, вы вот лучше расстегайчика отдайте. Пальчики оближешь!

– Новая книга Иванова сносит крышу! Чистейший Пелевин!

– Удовольствие не для всех. Примерно как кафе «Норд» на Балтийской улице.

– Да что вы говорите! А мне не понравилось. Обслуживание хромает.

– Ну да, – встрял вдруг неожиданно для себя сам Иван. – Один из официантов и вправду хромой. Но говорит ли это что-то о всём заведении сразу?

– Конечно, говорит. Вы любую книгу с полки откройте, и там...

– Полно вам, полно! Давайте за здоровье выпьем!

– Присутствующих здесь дам.

– И родителей.

– У кого не нолито?

– Да всё выпили уже, чаем перебиваемся.

– Чай хороший, китайский. Вы не читаете иероглифов?

– Да вот только один научился разбирать. «Чай», как раз.

Вы знали, что это китайское слово?

– Да что вы говорите!

– Ну, в принципе, логично.

– Ой, а я в прошлом году был в Китае, там...

– Слышали, сколько они железных дорог строят? В неделю столько же, сколько мы за год.

– Да что железные дороги! Вот лапша, лапша...

Иван попробовал чай – действительно, китайский, по-

хож на копчёного сома. Всё вокруг слегка качалось, стаканы тряслись на столе, как в вагоне поезда.

Вдруг один из сидящих напротив, спиной к морю, неуклюже завалился куда-то назад вместе со стулом. Иван вскочил и над головами посмотрел ему вслед, но за сидящими был отвесный обрыв, и никакого ограждения. Они, впрочем, не заметили случившегося.

- Для них насекомые как для нас креветки.
- Тоже под пиво хорошо!
- Решил я на прошлой неделе...
- Кладёте рукколу и алтайский орех...
- Потрясающие модуляции...
- Сдаю комнату...
- Но какие у них технологии...

В считанные мгновения ещё несколько сидящих завалились назад. Тряска росла, росла и интенсивность душевного разговора. Тосты поднимались ежесекундно. Иван хотел было поднять крик: землетрясение! – но не мог открыть рта, его губы были будто зацементированы.

Наконец, в пропасть улетели все сидящие по ту сторону. За ними потянуло сам стол. Его разломало напополам, все сидевшие за левой половиной улетели вниз вместе со своими тарелками. Правую половину тоже медленно засасывало вниз.

Иван ухватился за самовар и стал стаскивать его с уползающего в бездну стола. За самовар зацепилась и огромная

нежно-голубая скатерть, из-под которой потихоньку выезжал стол. Посуда, кроме самовара, тоже скользила вниз. Ото всюду доносились бодрые реплики.

– Ваше здоровье!

– Будем живы – не помрём!

– Свои люди – сочтёмся!

– Лучшее – враг хорошего!

– Такой футбол нам не нужен!

– Пока гром не грянет – рак на горе не свистнет!

– Господь, жги!

Пока тостующие улетали вниз, Иван карабкался по ползущей назад сырой земле, будто шёл вверх по идущему вниз эскалатору. За ним вилась скатерть, из самовара на босые ноги лился кипяток, пахнувший копчёным сомом. Вдали били молнии, но вместо грома раздавалось лишь петушиное кукареканье.

Иван посмотрел на часы – было 4:30, он, оказывается, заснул, как был – в одежде. Во сколько мусорные машины проезжают? В небе начали проступать оттенки солнца. Иван выскочил из подъезда, подбежал к мусорным бакам, распахнул дверцу их металлического навеса и шагнул к тому баку, куда неизвестные спрятали завернутый в черный мешок труп.

В баке не было никакого трупа – да и вообще никакого мусора? Никак увезли? В соседнем баке, впрочем, возвышалась целая гора всякой дряни, но труп был не там, Иван точно знал. На дне пустого бака лежала бумага, какой-то газет-

ный обрывок. Пересилив себя, Иван перегнулся через стенку бака и дотянулся до бумаги. Лист чистый, печать хорошая, сохранился кусок одной из колонок. Иван прочитал текст на месте: что за глупость? Сунул в карман, поднялся домой и перечитал снова.

*и конечно все мы помним президентскую кампанию 1997 года, когда Тесновский выстроил весь свой нарратив на «имперском выборе» – уже тогда многим это казалось несусветной ересью. Теперь же выходит, что эти тенденции не вымерли, и новый кандидат в президенты, от которого мы ждали какой-то альтернативы неолиберальному курсу Ставриди, предлагает открутить назад уже назначенный на следующий год референдум о независимости Украины. Как будто мы забыли все достижения деколонизации «золотых пятидесятих» и готовы, стоя на очередном перепутье, вот так вот взять и съесть эту савинковскую риторику. Многие, конечно, скажут, что я прибегаю к очередному *reductio ad**

Ивана ждала ранняя смена – и спать оставалось всего часа полтора. Голова трещала, и думать ни о каком «неолиберальном курсе Ставриди» вовсе не хотелось.

***

Сквозь музыку Ивану показалось, что в редакции заплакал ребёнок. Он подумал, что это мог быть звуковой эффект на альбоме, который он слушал, но такого он там не помнил. Он снял наушники, чтобы проверить.

Оказалось, это был женский смех из бухгалтерии. Смеяться там начинали, как правило, ближе к обеду. Действительно, уже перевалило за двенадцать, а никакой новости о найденном на помойке трупe или пропавшем человеке не проскочило ни на одной ленте.

В профессиональные задачи Ивана входило отслеживание лент информагентств и пересказ их сообщений для широкой аудитории. Добро и зло в новостях размывались полностью – чуть ли не с радостью он встречал сообщения об убийствах и пожарах: их можно расписать быстро, копируя большие цитаты официальных лиц без особых изменений и дополнений. О чём-то хорошем писать было мучительнее: новость о фильме и выставке приходилось делать более многословной, больше возиться с формулировками и больше контролировать свою субъективность.

Истина – субстанция едва уловимая. Он ежедневно тратил много сил, чтобы втолковать коллегам, что то, о чём пишет новостной портал – это *информация*, а не сама действительность, но, похоже, никому не приходилось думать о разнице между двумя этими явлениями.

Итак, что у него за *информация*? Некие люди – трудно определить не только их лица, но даже телосложение или

пол – вытащили из автомобиля нечто похожее на труп человека и забросили его под навес с мусорными баками. После злоумышленники уехали на автомобиле. Через пару часов трупа на месте уже не было, а был газетный обрывок, лишь усложняющий заговоздку.

Но какова *действительность*? Этот человек мог быть мёртвым и живым. Если он живой, он мог выбраться оттуда, а мог не суметь. Если он мёртвый, его могли найти и не найти. Итого четыре варианта. Далее – если его нашли, то, следовательно, это зачем-то скрывают. Если он живой, то зачем его туда засунули? Если то, что его нашли, и при этом скрывают, то, значит, злодеи заодно с властями. Этот человек мог быть мужчиной или женщиной...

В конце концов, это мог быть и не человек вовсе, а обычный мешок с мусором, из которого высунулось что-то похожее на ногу в ботинке. Может быть, это и была нога в ботинке, но – к примеру, какого-нибудь манекена. А может быть, ничего и не вываливалось. Может быть, ничего он и не видел, Иван, разом нервничающий и скучающий, одновременно уставший от интенсивности переживаемых эмоций, одновременно ищущий ещё более интенсивных эмоций. И воображающий, что стал свидетелем чего-то крайне важного, лишь бы прикоснуться к чему-то незнакомому.

Иван опубликовал очередную новость и откинулся в кресле, руки заложив за затылок. В голове вертелась считалка, которую использовала его учительница по английскому языку.

ку, когда требовалось случайным образом определить, кто выйдет к доске. Заканчивалось чем-то вроде:

What will you do you should not ask
Each day you'll get какой-то task

Но там были ещё слова! И Ивану это казалось красивым и правильным – а вообще вот, пятнадцать лет прошло, и теперь он стоит у доски каждый день, а то, что он на ней пишет, прочтут тысячи людей. Но принудительности этого труда новый расклад не отменяет.

Погода неплохая, и почему бы не скоротать вечер во дворе – ухватить за хвост хотя бы последний тёплый день сентября. Он заскочит в дорогой супермаркет, возьмёт самый дешёвый из имеющихся напитков Португалии (беспроектный вариант), и просто проследит за тем, что происходит вокруг этого мусорного бака, где можно так спрятать труп, чтобы его никто больше не нашёл.

Несколько часов бдения ничего не принесли, но Иван выпил уже достаточно портвейна, чтобы сильно залениться куда-то идти. А зачем? Никому не нужный, скучный, оставленный сидеть на скамейке – среди, надо сказать, улучшившейся погоды. Надежным признаком редкозубой улыбки климата могут послужить играющие на площадке дети – особенно, если допоздна. Но вот и они разошлись, и парочка подростков, и бутылка портвейна (Иван предусмотрительно захва-

тил еще такая), – и сидели они один на один: Иван и металлический навес над мусорными баками.

Вот уже и бутылка к концу подходит. И фонари светят. Ну вот не нравится мне, как горит фонарь, – не надо пытаться это переиначить, а тем более пытаться погасить этот фонарь силой мысли – к чему это всё? Только дзен, только искусство ухода за конурой – и будет мне счастье. Такое, что я и видеть-то не буду фонарей этих проклятых.

Ивану удалось спрятаться за один из фонарей, когда из припарковавшейся машины к бакам подошёл человек и положил в один из них кожаный кейс. И быстро метнулся обратно на заднее сиденье машины.

Когда автомобиль уехал, Иван тихо, вытянув руки по швам, прошёл к подъезду. «Время приключений» – только на экране ноутбука. Стоило заглянуть у метро в китайский тэйк-эвэй: с лапшой посидеть перед сериалом – глупо, но чем не лучший способ скоротать вечер нервного дня.

Снова крутится перед глазами Ивана пупырчатый валик френдленты – вроде бы символы несут какую-то информацию, но, попадая в механическое пианино, они выдают совсем не ту музыку, что видится на первый взгляд. Да и у каждого аппарата своя настройка.

«Избитое сравнение – про людей, похожих на камни, и людей, похожих на пёрышки. Но ведь правда же: одних всё время тянет к переменам, другие в штывы принимают всё новое. И ничего ни с тем, ни с другим не поделаешь, другая из-

битая истина права: люди не меняются. Хватит мучиться и пытаться побороть чужое и своё естество. Может, камням и пёрышкам просто не по пути?» – это писала Оля. Ивана принялась заедать злоба. Это я – враг всего нового? Это я – камень? А что, если драгоценный?

Дзынь – пришло сообщение. Жорж: *«Друзище, выпьем с тобой в течение недели, как-нибудь в будний день. Я сейчас лечу»*. Как и куда он летит, Жорж не уточнил – видимо, не было времени.

Вот уж кто пёрышко-то! Вот уж кто, в отличие от Ивана, *друг всего нового!*

Ну а что, можно же им показать! *Им обоим!* Можно же просто захлопнуть ноутбук, встать с дивана, наскоро сунуть в один карман пиджака телефон, в другой – ключи, не завязывая шнурков, облачиться в кеды, не запирая двери, выскочить на лестничную клетку, пробежать два пролёта, нажать пищущую кнопку домофона, перепрыгивая остатки луж добежать до навеса над мусорными баками, скрипнуть его зелёной дверью, заглянуть в мусорный бак и аккуратно достать оттуда кейс. Положить его на асфальт и присесть перед ним колени, чтобы посмотреть, что же внутри.

Иван нажал на две кнопки, открывающие защёлки. Чуть-чуть заело, но механизм поддался, не требуя пассива.

Однако кейс оказался пуст! Он на всякий случай провёл ладонью по шершавому дну – полная пустота! Может быть, в нём есть двойное дно – а там тоже ничего, потому что дно –

тройное?

Вдруг, хоть и сидел он на асфальте, его потянуло куда-то вниз, будто бы в ускоренную версию зыбучих песков. Он огляделся – вроде бы всё было на своих местах, но ненормальное тягучее чувство осталось. Оно стало развиваться, и он почувствовал, что тянет его и вверх одновременно – как тогда, днём, в лифте.

Скоро он почувствовал, что тянет его по всем направлениям сразу, причём он понял, что это происходило с самого начала, просто он не ощутил. Внешний мир по-прежнему был всё тем же, лишь слегка дребезжал от головокружения.

Пробежала тихая мысль – это он вдохнул какого-то ядовитого газа оттуда, из кейса. Если бы он ставил задачу вообразить отравление при химатаке – наверно, он представил бы себе именно это: болезненное, противоестественное экспресс-засыпание. А зачем ещё нужно было выкидывать сюда этот кейс? Только чтобы кого-нибудь отравить, не иначе. Вещь-то хорошая.

Неужели смерть – это вот так? Всё вокруг то угасало, то ярко вспыхивало, но Иван с щемящей грустью осознавал, что это всё происходит с ним и только с ним – и что утром мир не заметит, что кто-то пропал. В конце концов мерцание и дребезжание превратилось в эпилептическое моргание, которое длилось с минуту, – Иван, сидевший на коленях, никак не мог переменить позицию.

Всё рухнуло в никуда.

Через какое-то время Иван наконец смог пошевелиться и сесть. Он сидел в полной темноте на твёрдом сиденье. Он ощупал его ладонями – каждое движение давалось с трудом – кажется, это была кожаная скамейка.

Вдруг включился свет – Иван обнаружил себя в обычном вагоне метро. Поезд ехал; оглядевшись, Иван увидел нескольких одиноких пассажиров.

Поезд прибыл на знакомую станцию – кажется, «Нахимовский проспект», рядом с которой он жил в детстве. Когда диктор произнёс название следующей станции, кто-то громко кашлянул, и Иван не расслышал объявление. «Мне выходить на «Серпуховской», – подумал Иван. Но следующей станцией вновь оказался «Нахимовский проспект». Во время следующего объявления у женщины напротив Ивана из рук выпал пакет и шумно стукнулся об пол. По полу покатались апельсины.

Иван помог ей собрать апельсины с пола, пробежавшись за одним из них – видимо, бунтарём, – в другой конец вагона. Вернувшись, он спросил у женщины, какая станция следующая. Её будто бы удивила сама постановка вопроса:

– Откуда я знаю, какая у вас следующая станция?

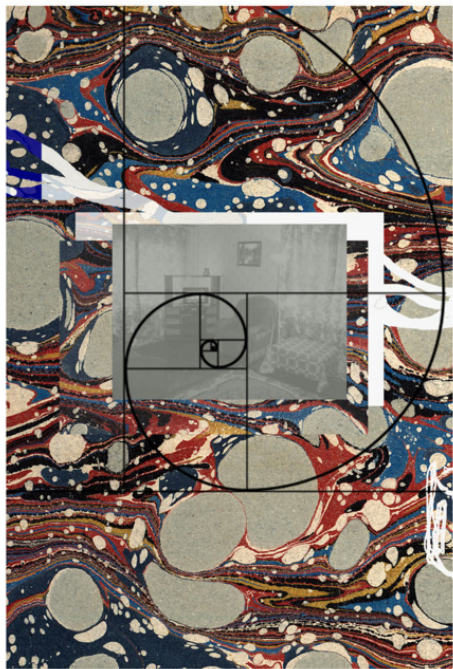
Следующей оказался снова «Нахимовский проспект». И снова Иван не смог расслышать, что же говорит диктор. Через несколько таких перегонов Иван вышел-таки на станцию. Он взбежал вверх по лестнице и прошёл сквозь турникет, но место, где должны были быть двери, было завалено

камнями. Перепрыгнув турникет, он вернулся на станцию и впервые в своей жизни нажал на кнопку справки на красно-синей колонне в центре зала.

Но справки никакой не последовало. А палец намертво прилип к кнопке. Всё его тело магнитилось к красно-синему столбу. Иван уже будто видел себя со стороны – его сознание через палец плавно перетекало в столб. Он повернул голову, услышав шум: облицовка опадала с одной из стен – на бетоне под ней проступала надпись «Бомбоубежище».

Потом долго ничего не было.

II

Часть вторая

Расклад такой: жил да был один царь, правил он справедливо, казна золотом полнилась, всюду цвели гортензии, а подданные были так ему благодарны, что по вторникам с восьми до четырёх выстраивались у государевой приёмной, чтобы правителю поклон отвесить. Был у государя сын – благородный, остроумный и красивый Иван-царевич.

Случались и шалости, но в целом он батюшку радовал и последовательно готовился сменить старика на высшем посту: объезжал коней, ублажал девиц и между делом штудировал трактаты мудрецов о том, как управлять державой.

Но стали бы о нём сказку сказывать, если бы всё на свете ему давалось с такой лёгкостью?

Понял однажды Иван-царевич, что весь мир вокруг него подёрнут патиной неизведанной тоски. Вместо снов он видел одни мрачные тени в тяжёлых намокших халатах с восточным шитьём; по коридорам терема гуляли холодные дуновения, напоминавшие о неприветливости мироздания; даже серебряные ложки предательски зеленели, недвусмысленно намекая на бренность всего сущего.

Обратился Иван-царевич к друзьям – без промедления в его покои приехали добрые молодцы с опиумом и абсентом, начался поэтический симпозиум, где историософская лекция сменялась песней под гитару от бледной синеокой

чаровницы с косой:

*Во тьме ночной белее белого
Белеют белые стволы —
Стволы берёз осоловелые
В ночи особенно белы,*

— пела она, а учёный не стеснялся при самом царевиче рассказывать, как давним предком государя овладели нечистые силы и велели ему сменить курс развития страны на неолиберальный.

Не помогло Ивану-царевичу это собрание. Разогнали гостей, вызвали наследнику престола главного лекаря столицы. Врач осмотрел царевича и выписал ему от смертной тоски отвар арктического мха. Была снаряжена экспедиция из лучших матросов, боцманов, коков, геологов, биологов и уфологов страны, поехавших в Арктику за чудодейственным мхом. По пути были найдены новые доказательства существования Атлантиды, открыты доселе неведомые небесные тела и был побеждён кровожадный подлёдный спрут.

Но и заветный отвар мало помог Ивану-царевичу. Некоторое время он чувствовал себя пободрее, но вскоре облегчение сменилось тяжелейшим расстройством желудка — и ещё большей тоской.

Приглашали и самого модного из мудрецов. Тот пообещал обследовать Ивана по свежайшей австрийской методике.

— Как ваш отец к вам?.. — загадочно спрашивал мудрец,

почесывая бороду.

– Хорошо, он же царь-батюшка, как-никак, – отвечал Иван, а мудрец записывал в блокнот и заново поджигал потухшую сигару.

Он расспросил царевича обо всех его недугах (особенно интересовали младенческие), просил пересказать все сны, которые тот помнит, показывал старые фотокарточки его ма-тушки и делал странные намёки. В результате мудреца с сигарой прогнали ко всем чертям (порешив, что там его поймут) и стали дальше думать, как развеселить царевича.

Нынешние шуты и скоморохи совсем не радовали Ивана-царевича, ведь он-то знал, что все их прибаутки заверены охранкой. Позвал царевич Медиума и велел вызвать одного лицедея с того света, который точно принесёт ему утерянную радость.

Медиум сел напротив Ивана-царевича и раскрыл на столе свой волшебный ларчик. Края стола он сыпал волшебным порошком, попросил приглушить свечи – да и принялся за-вывать да глаза закатывать. Ивану и от этого веселее стало – так Медиум забавно покачивался и надувался.

– Кто меня беспокоит? – раздался вдруг хрипло-звонкий голос лицедея. – У меня же на двери табличка «Не беспокоить» висит. В раю у всех такие таблички, вспомнил царевич.

– Это Иван, царский сын. Хочу, чтобы ты мне радость мою вернул.

– Ох, Ванюша, это ты по адресу. Я могу и песню спеть,

и сплясать чего, и шутку-прибаутку, и за жили-были поговорить. Сам выбирай, царский сын!

– Сначала можно поговорить, а потом уже – остальное.

– Ну тогда расскажи, что тебя гложет.

Ларчик выслушал исповедь Ивана. Лищедей на том конце провода крепко задумался.

– Ох, не люблю я этого, Ванюша, не люблю, – наконец изрёк он.

– Чего не любишь, лищедей?

– Фатального исхода. Он тебе точно грозит, зуб даю, если ты в таком же духе продолжишь. И открытого цинизма не люблю.

– Но что же делать?

– Сдаётся мне, не со мной разговоры вести. Твою радость украл твой двойник и сбежал с нею в свой Белый город на Серебряном облаке. Скачи туда и верни себе радость. Может быть, тогда тебе повезёт.

Сел Иван-царевич на электричку и поехал в Белгород-на-Облаке. В рамках введенного кабинетом министров режима жесткой экономии царской семье урезали пользование железными конями и коврами-самолетами, так что царский сын воспользовался более простым видом транспорта.

На одном из полустанков поезд стоял слишком долго.

– Отпустите, пожалуйста, двери, – объявил по громкой связи машинист.

Реакции, видимо, не последовало – кто-то продолжал дер-

жать раздвижные двери так, чтобы их нельзя было закрыть.
– Значит так, пока держим двери, стоим, – сказал машинист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.